

ЛУКИАН <С. Б. ЛЮБОШИЦ>

Распутин¹

Хрестоматия рассказывает школьникам поучительную повесть о том, «как архангельский мужик стал разумен и велик».

Это было давно. Наши дни знают другую быль про другого мужика, который обрел такую власть, силу и влияние, какие и не снились Ломоносову.

Быль эту школьникам рассказывать нельзя. Ее почти и взрослым рассказать невозможно. И не только потому невозможно, что существует в цензурном уставе 1001-я статья, карающая за порнографию, но и потому, что для разоблачения таких непристойностей надо обладать бесстыдством Розанова.

Полную историю сибирского мужика наши потомки когда-нибудь — с неизбежными пропусками — прочтут в «Русской старине». Прочтут и будут протирать глаза и не смогут поверить.

Скептический, неверующий, насмешливый петербургский (тогда еще не было Петрограда) свет. Титулованная, родовитая столичная знать.

Женщины и мужчины, которые в самых модных и в самых достопримечательных местностях Европы чувствуют себя, как дома, во всяком случае больше, чем в России.

Среда, в которой больше всего в мире боятся быть смешными. И в эту среду, где дворников, извозчиков и даже рабочих почти за людей не считают, является корявый сибирский мужик с тайным прошлым, с почти скандальной какой-то провиденциальной фамилией и повергает под ноги свои весь этот раззолоченный, блестящий, перекультуренный мир.

Начинается какая-то фантасмагория.

---

¹ Печатается по: Биржевые ведомости. 1915. 14 августа. № 15025. Утр[енний] вып[уск]. С. 2; 15 августа. № 15027. Утр[енний] вып[уск]. С. 3.

Темный, неграмотный мужик становится героем таких гривуазных историй, перед которым бледнеют и самые фривольные рассказы Джованни Боккаччо, и скромные истории самых неприличных писателей XVIII века, и язвительные шутки Вольтера.

А героинями этих историй оказываются женщины самого блестящего, самого светского и сановного круга столицы. И какие женщины: молодые и старые, замужние и девушки.

И какие истории... Из чопорных, важных семей, из домов с длинными рядами предков на стенах уходили изящные, тонко воспитанные девушки и их видали выходящими из «семейных» бань с сибирским мужиком, носившим фамилию Распутина и кем-то провозглашенного «старцем».

Появлялись время от времени разоблачения о странных соображениях, в купе вагона, в малодоступном светском салоне, о странном, хлыстовском смешении экстазов религиозных с половыми.

Появились разоблачения о темном прошлом Распутина, о гареме из светских женщин, сопровождающих его в его поездках по России, о его жизни в родном селе Покровском.

Но никакие скандальные разоблачения не могли помешать изумительной карьере Распутина.

Он стал силой, с которой серьезно приходилось считаться.

Приемная неграмотного сибирского мужика стала местом особого паломничества. И не одни проходимцы собирались в этой приемной

Тут был, однако, цвет столицы,
И знать, и моды образцы.
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы;
Тут были дамы пожилые,
В чепцах и в ризах, с виду злые;
Тут было несколько девиц,
Не улыбающихся лиц;
Тут был посланник, говоривший
О государственных делах;
Тут был в душистых седирах
Старик, по-старому шутивший,
Отменно тонко и умно...

[«Белое поле в 26 строк» — так в тексте публикации. Указанные строки выбросила из авторского текста цензура. — *Сост.*]

Бывшие в силе и власти Гермоген и Илиодор, — тоже удивительная фигура, — попали в опалу, как только они рассорились с «Гришкой», как Илиодор фамильярно называл Распутина.

Шел великий и непристойный соблазн, а Синод молчал, а Владимир Карлович Саблер светски улыбался, не то повторяя исторический жест Пилата, не то радуясь, что такой «паралич Церкви» еще полнее отдает ее в обер-прокурорские руки.

Распутин стал «знатен и богат» и, надо думать, в глубине своей мужицкой души, своего лукавого «себе на уме» оценил тот светский и сановный Петроград, который ползал у его корявых мужицких ног.

Ибо из всего, что известно о Распутине, видно, что он мужик и ловкий, и весьма неглупый. И в сущности он лучше своей репутации и своего положения. По невежеству и темноте своей, он на той головокружительной высоте, на которой очутился, делал немало нелепостей. Его влиянию приписывают и назначение епископа Варнавы и даже некоторые назначения в Военно-медицинскую академию и многое в таком же роде. Но прямого и заведомого зла Григорий Распутин, кажется, не обнаружил.

Попав в самую гущу бюрократических интриг, Распутин не потерял своей, по-видимому, довольно крепкой мужицкой головы, ловко лавировал между течениями.

Могло быть и хуже и даже гораздо хуже. Но уж один тот факт, что клочок бумаги с беспомощно-неграмотными каракулями сибирского мужичка, прославившегося своими непристойностями, имел чудодейственную силу и значение в столице Российской империи, этот факт являлся и сам по себе необычайно компрометантным.

[«Белое поле в 12 строк» — так в тексте публикации. Указанные строки выбросила из авторского текста цензура. — *Сост.*]

В последнее время Распутин как будто исчез с петроградского горизонта. О нем, в обществе, по крайней мере, как будто стали забывать.

Но вдруг он опять появился.

Предо мною лежит небольшая книжка, скорее брошюра в 54 страницы.

Какие-то поклонники или поклонницы решились издать «Мои мысли и размышления Григория Распутина».

При книжке два портрета и несколько факсимиле Распутина. Последние особенно интересны.

Издатели или издательницы книжки хотели подчеркнуть безграмотность и каллиграфическую беспомощность распутинских каракуль.

В этом они, по-видимому, находят особое достоинство, это подчеркивает, какой Распутин — «простец».

Книжка лучше, чем можно было ожидать. В ней чувствуется религиозное настроение при посещении Распутиным святых мест.

Лица, редактировавшие это «краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам»,

в восторге и от Распутина, от «прославленного “старца”, которому, однако, всего 52 года и который отличается редкой гибкостью и выносливостью, чисто юношеским экстазом и задором».

Из этого введения в книжку Распутина можно видеть, что тех, которые искренно увлекались старцем, более всего привлекает его «примитивность».

Как в «Плодах просвещения» у Толстого:

— Как наедятся сладкого, так, что больше не лезет, их и потянет на капусту.

То, что петроградских светских дам потянуло «на капусту», к Распутину, конечно, плохо рекомендует петроградских мужчин «нашего круга». «От хорошей жизни» не полетишь... в объятия Распутина.

Но это рисует в удивительном свете и тот петроградский свет, который, низкопоклонствуя перед этим темным мужиком, стал через него делать свою политику и свои карьеры...

Сам Распутин в своей книжке рисуется хотя и религиозно настроенным человеком, но столь же лукавым и скрытным, как и в личном общении, как об этом общении передавали лично беседовавшие с ним.

О своих впечатлениях из петроградского большого света Распутин только кое-где говорит темными намеками, а о себе лично — только в одном месте:

«Повели нас к Красным воротам, где Господа в последний раз судили. О, как посмотришь, что такое суд?! Кто ежели страдал, всякий про него скажет:

— Нет, — вот за то Его и преследуют; ах, мне-то еще мало этого! *Но за то, за что говорят — теперь невинен, а ранее согрешил**. Но Господь ни теперь, ни прежде не грешил».

Впрочем, Распутин делал признание в своих грехах и более откровенно.

Что же касается религиозности Распутина, то это напоминает анекдот об анекдоте, рассказанном Гоголем.

В мрачную пору своей жизни, в пору «переписки», Гоголь сидел в одном из очень чопорно-аристократических домов Петербурга и вел душеспасительные беседы.

Зашла речь о религиозности русского народа.

— О, да! — подтвердил Гоголь. — Русский народ религиозен при всех обстоятельствах.

И рассказал, как однажды в Москве приятель днем затащил его в ту часть города, где находятся публичные дома. У одних ворот

---

* Курсив мой.

они встретили хозяйку, с которой приятель Гоголя был знаком. И хозяйка, и выглядывавшие девицы были по-праздничному и скромно принаряжены и, видимо, чего-то ждали.

— В чем дело? — спросил спутник Гоголя хозяйку.

— А, вот везу девушек в Нижний на ярмарку, так напутственный молебен заказала. Ждем духовенства.

Так религиозен русский народ — закончил Гоголь свой рассказ, приведший в ужас салонных слушателей, и в глазах его загорелись прежние лукавые огоньки.

Такой же искренности и религиозности Распутина. И эта искренность подчиненная. Без нее не могло бы быть и таких соблазнов, и таких обольщений.

Во всяком случае, Распутин, если оставить в стороне сексуальную сторону его биографии, по-видимому, все же лучше той среды, которая сотворила из него кумира.

Но этот неслыханный скандал все же пора прекратить окончательно и навсегда.

Слишком серьезное время переживает теперь Россия и не до смеха ей над этими скромно-политическими анекдотами.

Этими гнойниками давно пора заняться серьезно.

Распутинский анекдот тянется слишком долго. Эта комически непристойная гримаса принимает трагический зловещий характер.

* * *

Как же это могло случиться?

Как мог темный проходимец так долго издеваться над Россией?

Если с этим издевательством мирилась официальная церковь, мирился Синод, мирились министры, сенат, думское большинство и Государственный совет, то как с этим мирилась, как могла мириться Россия?

И в том, что даже с таким скверным анекдотом мирились, заключается самое злое, самое бесповоротное осуждение того режима, об обновлении и изменении которого теперь заговорили все в один голос даже в самых твердых режимах.

Даже такое явление, как Распутин, не казалось слишком необычным, не казалось неправдоподобным и невозможным, выходящим из ряда.

И это казалось в стиле действительности нашего вчерашнего дня, и это на общем фоне не особенно резало глаз.

В этом стиле казалось «все возможно», «все дозволено».

Там, где были возможны и нормальны правосудие Щегловитова, канонизация Веры Чеберячки, государственные шалости Маклакова, синодское управление Саблера, сухомлиновское покровительство Мясоедову, служебное преуспеяние Фрейнатов и Гротгусов, где торжественно и публично реабилитировали азефовщину, где чины охраны то и дело попадались в экспроприациях, где союзный значок прикрывал заведомых преступников, грабителей и убийц, — там и Григорий Распутин не казался явлением слишком исключительным.

Русское общество так привыкло к анекдотам, что даже от такого неприличного анекдота его не слишком коробило.

Исключительные положения, отсутствие нормальной, элементарной законности в течение десятков лет развратили и власть, и общество.

Исключительные положения, мотивированные необходимостью охраны важнейших интересов государственности, и исключительные моменты свелись к тому, что губернатор или вице-губернатор высылал еврея, которому он задолжал за мебель, а г[осподин] Маклаков запрещал печати что-либо сообщать о бракосочетании какой-то фрейлины X.

Это все было уже в конституционные дни при существовании народного представительства.

И дошло до того, что никто ничему не удивлялся, не удивлялись даже явлению Распутина. Этим как бы говорили и тем барыням, которые открыто отдавались этой новой хлыстовщине, и тем господам, которые через Распутина искали и достигали милостей:

— Что ж, все это на вас очень похоже. Распутин достоин вас, и вы достойны Распутина. Одно к одному.

Крайняя обидность этого отношения даже не была понята. Старались только о том, чтобы хоть печать поменьше говорила о Распутине или даже совсем не говорила.

Прямых запрещений, облеченных в форму хотя бы циркуляра, кажется, не было. Да и как можно было запретить говорить о совершенно частном человеке, не занимавшем никакого поста? Но в личных беседах, но по телефону запрещения упоминать о Распутине давались без всякого стеснения.

Но ведь печать могла не исполнять таких неоформленных распоряжений?..

Конечно, могла. И весьма вероятно, даже достоверно, что за Распутина печать бы не подверглась никаким непосредственным карам. И если бы печать подлежала суду и только суду, т.е. пользовалась бы такими же юридическими привилегиями, какими пользуются воры,

убийцы, грабители, тогда, конечно, печать ничем не рисковала бы, если бы она даже кричала о распутинском скандале. Но у администрации не было никакой надобности карать печать именно за Распутина.

Ведь печать можно карать административным порядком, т.е. без апелляции и даже без объявления причин, за что угодно: за заметку в хронике, за невиннейшую оппозиционную статью, за что угодно. Во всякой строчке можно при желании найти какое-нибудь нарушение какого-нибудь пункта, какого-нибудь обязательного положения. Всякую строчку можно в порядке усмотрения подвести под кару. И раз печати сказано было хотя бы намеком, хотя бы по телефону, не упоминать о Распутине, печать знала, что нарушение этого распоряжения повлечет за собою ряд жестоких репрессий по всяким удобным и неудобным поводам.

Таким образом, могло случиться то, что половые извращения или половое распутство влиятельных барынь, тесно связанных с теми реакционными салонами, в которых делалась и — как луна в Гамбурге — прескверно делалась политика, создали такой невероятный соблазн на Руси.

Срам расстилался не только по лицу земли русской. Зарубежная печать не была связана запретами, и там писали о Распутине много и без стеснений.

Много и без стеснений рассказывали о Распутине и об его удивительных непристойных чудесах и в России, и эти устные рассказы, как всегда безудержные, не проверенные и часто преувеличенные, творили еще больший соблазн. Впрочем, что тут было преувеличивать, когда голая правда была «хуже всякой лжи?».

Читаешь книжку Распутина, его заметки, вылощенные, припомаженные, где к запаху елея так явственно примешаны светские духи лиц, редактировавших эти «размышления», и только диву даешься. Ни особого экстаза, ни особой глубины, ни оригинальности. Среди многих тысяч паломников наших, посещающих святые места, найдется множество крестьян, которые с помощью грамотных людей могли бы создать и нечто более яркое, глубокое и оригинальное. Однако никто вокруг них не делает шума.

До чего должно дойти ослепление, чтобы тут, в этих довольно беспомощных каракулях, беспомощных не только в каллиграфическом смысле, обрести новое откровение...

Как это издательницы или издатели этих избранных размышлений (на книжке обозначено г. I) не замечают, что «король ведь голый», и приглашают нас всех любоваться на несуществующее «новое платье короля»?

Воистину, чудеса!

Половые извращения, сексуальная истеричность всегда были, но тут ведь сексуальная истерика врывается в государственность, накладывает печать своей извращенности на политику, низводит, наконец, государственность до себя.

Извращенная сексуальность, любящая прикрываться религиозными экстазами, обычно стыдливо прячется от людских взоров.

Тайные пороки ищут обычно темных уголков. А тут они выносятся на площадь, на всенародное позорище, они нагло себя афишируют, а жадная стая проходимцев пользуется всем этим распутством для своих темных целей.

Удивительно при этом поведение друзей режима Щегловитова, Саблера, Маклакова.

Реакционеры наши ведь не из истеричных дамочек состоят. Они-то должны были понимать, как этим необычайным распутством непоправимо компрометирует себя любезный их сердцу режим. Но они в своем безграничном сервизме молчали. Они травили «жида», доносили на «третий элемент», требовали намордников для печати и для всех инакомыслящих, но о Распутине молчали.

Ни храбрый Марков 2-й, ни Замысловский, ни доблестный Глинка-Янчевский не обмолвились ни одним словом о Распутине, хотя надо отдать справедливость и Распутину: своим лукавым мужицким умом он разгадал этих господ и не очень с ними связывался.

Другому они бы этого не простили, но перед Распутиным они покорно и почтительно склонялись.

Рыцари «темных денег» осторожны и расчетливы.

Они наглы только там, где не могут ждать сопротивления, где враг связан и беспомощен...

